

**ПОДГОТОВКА К ШКОЛЬНОМУ ЭТАПУ
ВСЕРОССИЙСКОЙ ОЛИМПИАДЫ ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ
ТРЕНИРОВОЧНЫЙ ВАРИАНТ**

9 класс

Часть I. ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ (30 баллов)

Прочитайте.

Экое дурачьё! Напишу-ка я обо всём в Петербург к Тряпичкину: он пописывает статьи – пусть-ка он их общёлкает хорошенько. <...> А уж Тряпичкину, точно, если кто попадёт на зубок, – берегись: отца родного не пощадит для словца, и деньгу тоже любит. Впрочем, чиновники эти добрые люди; это с их стороны хорошая черта, что они мне дали взаймы.

- 1. Напишите имя, отчество и фамилию автора произведения, из которого взят приведённый отрывок.*
- 2. Напишите название произведения, из которого взят приведённый отрывок.*
- 3. Напишите, как называется в драматическом произведении речь, обращённая к самому себе или к слушателям.*
- 4. Напишите ответное письмо герою произведения, учитывая приведённую им характеристику адресата.*

Часть II. ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА (40 баллов)

Выберите вариант: прозаический текст или стихотворный.

Вариант 1. Целостный анализ прозаического текста

Владимир Осипович Богомолов (1926–2003)

ВТОРОЙ СОРТ

Он приезжает с некоторым опозданием, когда гости уже в сборе и виновница торжества, его двоюродная племянница, то и дело поглядывает на часы.

Моложавый, с крупной серебристой головой и выразительным, энергичным лицом, он, войдя в комнату и радушно улыбаясь, здоровается общим полупоклоном, представительный, почтенный и привычный к вниманию окружающих.

Для хозяев он – дядя Серёжа или просто Серёжа, а для гостей – Сергей Васильевич, и все уже знают, что он писатель, человек известный и уважаемый.

И подарок привезен им особенный: чашка с блюдцем из сервиза, которым многие годы лично пользовался и незадолго до смерти передал ему сам Горький. Эту, можно сказать, музейную ценность сразу же устанавливают на верхней полке серванта за толстым стеклом, на видном, почетном месте.

Сажают Сергея Васильевича рядом с именинницей во главе стола и ухаживают, угощают наперебой; впрочем, он почти от всего отказывается. Наверно, только из вежливости потыкал вилкой в горстку салата на своей тарелке да еще за вечер – с большими перерывами – выпивает рюмки три коньяку, закусывая лимончиком.

Он, должно быть, тяготится этой вынужденной ролью свадебного генерала, но виду не подает. Зная себе цену, держится с достоинством, однако просто и мило: улыбается, охотно поддерживает разговор и даже пошучивает.

А на другом конце стола не сводит с него глаз будущий филолог, студент первого курса, застенчивый белобрысый паренёк из глухой вологодской деревушки.

В Москве он лишь второй месяц и, охваченный жаждой познания, ненасытно вбирает столичные впечатления, способный без усталости целыми днями слушать и наблюдать. Попал он на именины случайно, и, увидев впервые в своей жизни живого писателя, забыв о роскошном столе, о вине и закусках, забыв обо всем, ловит каждое его слово, и улыбку, и жест, смотрит с напряженным вниманием, восхищением и любовью.

По просьбе молодежи Сергей Васильевич негромко и неторопливо рассказывает о встречах с Горьким, о столь памятных сокровенных чаепитиях, под конец замечая с болью в голосе:

– Плох был уже тогда Алексей Максимович, совсем плох..

И печально глядит поверх голов на полку серванта, где покоится за стеклом горьковская чашка, и задумывается отрешенно, словно смотрит в те далекие, уже ставшие историей годы, вспоминает и воочию видит великого коллегу.

Окружающие сочувственно молчат, и в тишине совсем некстати, поперхнувшись от волнения, сдавленно кашляет будущий филолог.

Когда начинают танцевать, он после некоторых колебаний, поправив короткий поношенный пиджачок и порядком робея, подходит к Сергею Васильевичу и, достав новенький блокнот, окая сильнее обычного и чуть запинаясь, неуверенно просит автограф.

Вынув толстую с золотым пером ручку, тот привычно выводит свою фамилию – легко, разборчиво и красиво – на листке, где уже имеется редкий автограф: экзотическая, непонятно замысловатая роспись Тони, африканского царька, а ныне – студента-первогодка в университете Лумумбы*.

Уезжает Сергей Васильевич раньше всех. Его было уговаривают остаться еще хоть немного, но он не может («Делу – время, потехе – час... Да и шофёру пора на отдых...»), и, услышав это с огорчением, более не настаивают. Прощаясь, он дружески треплет вологодского паренька по плечу, целует именинницу и её мать, остальным же, устало улыбаясь, делает мягкий приветственный жест поднятой вверх рукой.

Он уходит, и сразу становится как-то обыденно.

А в конце вечера будущий филолог, находясь всецело под впечатлением этой необычной и радостной для него встречи, стоит у серванта, зачарованно уставясь на горьковскую чашку. Толстое стекло сдвинуто, и она, доступная сейчас не только глазам, манит его как ребёнка – страшно хочется хотя бы дотронуться. Наконец, не в силах более удерживаться, он с волнением, осторожно, как реликвию, обеими руками приподнимает ее. С благоговением рассматривая, машинально переворачивает и на тыльной стороне донышка видит бледно-голубоватую фабричную марку:

Дулёво
2с. – 51 г.

«Дулёво... Второй сорт... 51-й год...» – мысленно повторяет он, в растерянности соображает, что Горький умер на пятнадцать лет раньше, и вдруг, пораженный в самое сердце, весь заливаётся краской и, расстроенный буквально до слез, тихо, беспомощно всхлипывает и готов от стыда провалиться сквозь землю – будто и сам в чем-то виноват.

...Дурная это привычка – заглядывать куда не просят. Дурная и никчемная...
(1963)

Вариант 2. Целостный анализ стихотворного текста
Юлия Владимировна Друнина (1924–1991)

АЛЬПИНИСТУ

Ты полз по отвесным дорогам,
Меж цепких колючих кустов.
Рукой осторожно трогал
Головки сомлевших цветов.
Срываясь, цеплялся за корни,
Бледнея, смотрел в пустоту.
А сердце стучало упорней,
А сердце рвалось в высоту.
Не эти ли горные кручи
Во взгляде остались твоём?
Не там ли ты понял –
Чем круче,
Тем радостней будет подъём?
(1965)

(1990-е)